

КЛАССИКИ
НАУКИ

Константин
Эдуардович

Земля —
это колыбель разума,
но нельзя вечно жить
в колыбели...

ИОЛКОВСКИЙ

Космос моей жизни

Константин Циолковский
Космос моей жизни (сборник)

«Издательство АСТ»

2016

УДК 629.7(092)(470)

ББК 39.6г

Циолковский К. Э.

Космос моей жизни (сборник) / К. Э. Циолковский —
«Издательство АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-097673-7

Орбитальные станции. Космический лифт. Поезда на воздушной подушке. Все эти невероятные идеи зародились в голове обычного школьного учителя, жившего на рубеже XIX и XX веков. Ученый-самоучка без высшего образования, ставший основоположником отечественной космонавтики. «Калужский мудрец», считавший, что развитие жизни на Земле однажды достигнет такого масштаба, что позволит преодолеть силы тяготения и колонизировать Вселенную. Писатель-фантаст и сторонник идей освоения космического пространства. Человек, чье имя сегодня незаслуженно забыто. Его труды – это целый мир. Имя ему – Константин Эдуардович Циолковский. Добро пожаловать в путешествие по космосу его жизни.

УДК 629.7(092)(470)

ББК 39.6г

ISBN 978-5-17-097673-7

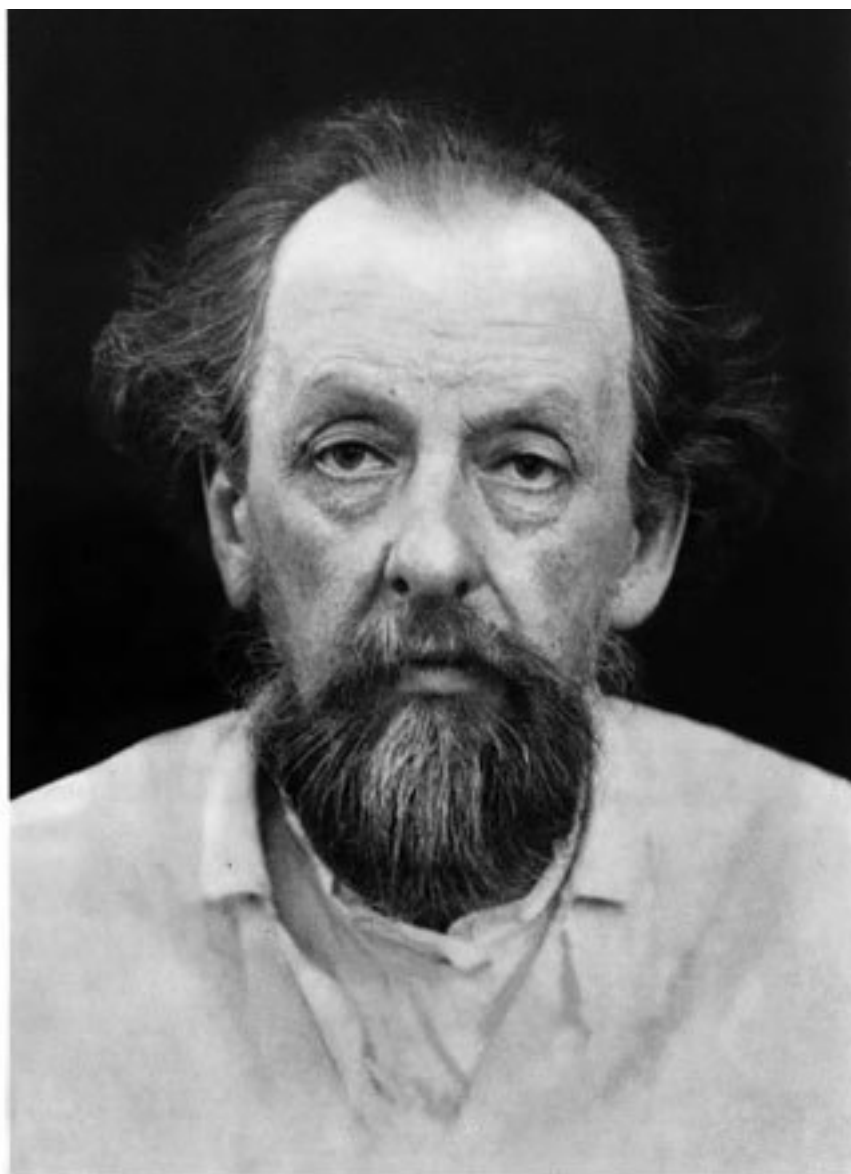
© Циолковский К. Э., 2016

© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Предисловие	6
О гениях	8
Горе и гений (1916)	8
Гений среди людей (1918–1921)	17
Значение гения	17
Гений и семья	21
Гений и земляки	22
Гений и специалисты	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Константин Циолковский Космос моей жизни

К. Циолковский

Циолковский Константин Эдуардович (1857–1935)

Предисловие

Константин Эдуардович Циолковский (1857–1935) – ученый мирового уровня, чье имя связано с началом эпохи освоения космоса. Благодаря своему выдающемуся таланту он признан одним из корифеев космонавтики. Циолковский подробно описывал особенности пребывания человека в космосе, живя в глухой деревне; он мысленно покорял космические просторы в то время, когда в воздух только-только начали подниматься первые самолеты и ракеты казались пустыми плодами фантазии писателей. Все работы ученого написаны ясным и простым языком, а его предположения о том, как устроен космос, оказались удивительно правдивыми. Подтверждение тому – слова Юрия Гагарина, сказанные им журналистам о Циолковском после своего знаменитого полета: «Я просто поражаюсь, как правильно мог предвидеть наш замечательный ученый все то, с чем только что довелось встретиться, что пришлось испытать на себе! Многие, очень многие его предположения оказались совершенно правильными. Вчерашний полет наглядно убедил меня в этом».

Помимо литературы Циолковский занимался самыми разными вещами: он разрабатывал международный язык, схожий с эсперанто, искал способы общения людей с представителями внеземных цивилизаций и придумывал удивительные вещи, вроде поездов на воздушных или магнитных подушках, которые уже воплотили в жизнь японцы. В то, что мы не одни во Вселенной, ученый верил твердо – и посвятил работам о жизни вне Земли немало времени. Так, в своей работе «Неизвестные разумные силы» Циолковский писал:

«... Мы имеем множество фактов, собранных достойными доверия людьми. Факты эти указывают на присутствие каких-то сил, каких-то разумных существ, вмешивающихся в нашу человеческую жизнь».

Циолковский – это философ, который всю жизнь разрывался между идеализмом, доставшимся ему от отца, и материализмом, приобретенным в процессе жизни. Размышляя на самые разные темы, ученый подарил нам немало выражений, которые можно назвать крылатыми. Вот лишь некоторые из них:

- Земля – это колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели.
- Человечество не останется вечно на Земле, но в погоне за светом и пространством сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство.
- Ракета для меня только способ, только метод проникновения в глубины космоса, но отнюдь не самоцель. Будет иной способ передвижения в глубину космоса, приму и его. Вся суть – в переселении с Земли и в заселении космоса.
- ... Выходит, что жизнь, т. е. ее ощущение, есть только взбаламученный нуль, небытие, приведенное в колебание, спокойствие, выведенное из равновесия.
- Я пишу ряд очерков, легких для чтения, как воздух для дыхания. Цель их: познание вселенной и философия, основанная на этом познании.
- ... Нас ждут бездны открытий и мудрости. Будем жить, чтобы получить их и царствовать во Вселенной, подобно другим бессмертным.

Впрочем, гениального ученого интересовал не только космос и перспективы его покорения человеком: Циолковский много времени уделял поиску идеального устройства общества, рисуя утопические картины коммунистического строя, выдержанные в лучших традициях того времени, и нередко подвергался критике за свои работы на социальные темы. Вот что он сам писал об этом:

«Сущность устройства общества изложена была в моем изданном сочинении “Горе и Гений” (1916 г.). Также и из предлагаемого труда видна идея общественного устройства. Кроме того, вскоре постараюсь издать подробности, хотя полнота тут менее всего возможна. Она есть

недостижимый идеал. К нему общество всегда будет идти, но никогда не дойдет. Останется расстояние, которое с течением времени будет уменьшаться все более и более».

Циолковский был не только теоретиком – его расчеты, в частности, были использованы при создании ракет «Фау» фон Брауна, без которых они вряд ли смогли бы пересечь Ла-Манш. Создал великий ученый и первый прототип аэродинамической трубы, который на крыше деревянного дома Циолковского выполнял роль флюгеля. Правда, знают об этом сегодня лишь немногие...

Что заставляло Циолковского заниматься наукой в столь непростое для страны время – рубеже XIX и XX веков? Исследователи его личности говорят, что потрясающий темперамент ученого был врожденным. Но так ли это на самом деле – нам вряд ли удастся узнать: Циолковский унес тайну своей ошеломляющей энергетики в могилу, дав потомкам бесконечную пищу для размышлений в виде своих работ. В период после гражданской войны труды ученого были широко растиражированы советской властью и аудитория Циолковского была огромна: письма ему приходили со всех концов страны и даже из-за рубежа. Однако ученый писал в первую очередь о социалистическом обществе – и сегодня интерес к работам Циолковского практически незаметен. Эта книга – попытка исправить ситуацию и донести до читателей его удивительные работы.

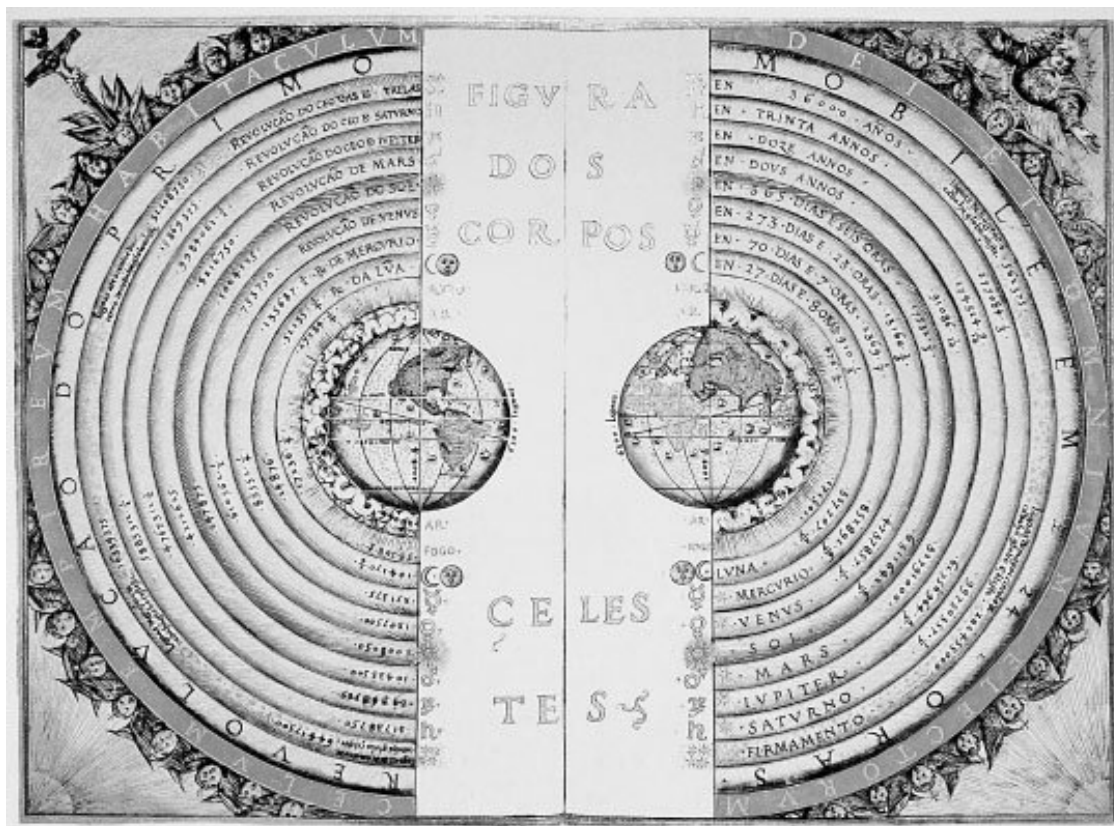
О гениях

Горе и гений (1916)

Нет ничего важнее, как наше счастье и счастье всего живого в настоящем и в будущем. Как устранить горести? Этот животрепещущий вопрос и будет предметом настоящей статьи.

Есть горе как будто неустранимое: мы должны болеть, умереть, потерять близких. Жизнь невозможна без страданий. Но много горя более или менее устранимого. Почему мы терпим материальную нужду, не пользуемся комфортом, когда богатства и силы природы неисчерпаемы? Почему на старости лет мы остаемся без крова и умираем от лишений? Зачем отец семейства надрывается один для прокормления своего многочисленного семейства? Почему, умирая, множество людей оставляют свои семьи беспомощными? Почему всю жизнь мы должны дрожать за судьбу близких? Почему всякого человека, не исключая богатых, сильных и властных, подстерегают бедность, горести и всякие несчастья? Избави, Боже, нас винить за это кого-нибудь, кроме нашего неразумия, кроме скудости мира наших идей. Если бы были отысканы гении, то самые ужасные несчастья и горести, которые даже кажутся нам сейчас неизбежными, были бы устранены! Гении совершали и совершают чудеса. Кому же это неизвестно!

Но где они, наиболее способные и добрые люди! Они нам нужны, они бесценны, но мы не можем или не умеем их найти. Где Ломоносовы, Ньютоны, Лапласы, Гаусы, апостолы ума и нравственности? Знания открываются и распространяются гениями. Важность знания очевидна: сальварсан уничтожает неуничтожимый прежде лues. Многие лекарства устраняют болезни. Гигиена дает здоровье и продолжает жизнь. Хирургия оживляет умирающего, исцеляет калеку, дает зрение, слух и пр. Целомудрие сохраняет умственные силы, бодрость и здоровье. Техника делает человека сильнее тигра, быстрее лани. Она дает ему крылья и дворцы, заставляет природу работать как раба. Знание дает прекрасные съедобные продукты, способ сохранять их и улучшать, – высокие урожаи, неистощимость почвы. Размышление под руководством гениев дает людям кротость, мир и любовь. Но гении нужны не только для распространения и усвоения уже открытых давно истин, хотя и не использованных людьми, но и для добывания новых. Нравственный и всяческий свет исходит от гениев.

Птолемея система, Клавдий Птолемей, 140–150 гг. н. э.

Как же определить, узнать, выделить гения того или другого порядка, то есть той или другой степени? Как определить цену человека? Какой-нибудь усердный земледelec или рабочий всю жизнь усердно трудился и доставил столько-то полезных продуктов. Его оценка такая-то. Другой человек изобрел швейную машину. Он сократил и продолжает сокращать после своей смерти труд множества людей. Экономия времени, труда и здоровья этих людей дает также множество очевидно необходимых продуктов. Сосчитайте-ка цену этих продуктов от времени применения машины хотя до настоящего времени! Получим колоссальное число. Выходит, что один человек даже при грубой и далеко не полной оценке может дать в миллиарды раз больше другого, тоже очень полезного и почтенного труженика. Изобретатели паровой машины, ветряной и водяной мельницы заставили работать природу на пользу человека, результатом чего явились неисчислимые и неоспоримые выгоды в виде, например, целых гор жизненных продуктов. В самом деле, экономия времени благодаря машинам дала возможность людям произвести много хлеба, фруктов и изделий, которых не было бы, если бы не осталось свободного времени. Мысли гениев бессмертны так же, как и дела их, потому что и после смерти они продолжают и дают бесконечный и беспредельный плод. Итак, высокая мысль бессмертна и служит неисчерпаемым источником благ! Кто более мыслителей благодетельствует человечеству?! Гуманисты научают нас мирно жить между собою, устраняют бесплодную борьбу, взаимное уничтожение сил и жизней и сохраняют их для борьбы с природой. Сколько они устраняют увечий, убийств, ограблений, ругани, страха, – сколько сохраняют сил для производства продуктов! Правители народов, устраивающие порядок и обеспечивающие странам жизнь, свободу и труд, также бесценны.

Где же они – эти высочайшие? Не можем ли мы их отыскать? Как бы хорошо, если бы сильные мира сего имели к своим услугам этих необыкновенных людей. Но может быть, их и совсем нет в настоящий момент – не намолотила еще природа. Допустим, что я человек средний и потому могу познать или отличить человека, только немного выше меня стоящего.

Если он чрезмерно умен, знающ, нравственно высок, полон гениальных идей, то он не только не может быть мною в надлежащей мере понят и оценен, но может быть даже принят мною за преступника или безумного. Значит, гения я отыскать не могу, а если бы и мог, то могу ли я перебрать или изучить все человечество? Для изучения одного человека нужно съесть с ним пуд соли; как же может хватить моей жизни на изучение полутора миллиарда людей! Для этого нужно минимум миллион лет, да и не хватит никакой памяти и никаких умственных способностей.

Ясно, что не очень-то легко найти гения, и нет ничего удивительного в том, что мы его не видим, хотя бы он и был. Вы скажете, что он сам должен проявить себя, выплыть на свет Божий, показать себя людям своими великими делами. Правда, это иногда возможно, но не всегда. История учит нас, сколько гениев было не оценено и погублено в зачатке – жизнью и ограниченностью окружающих средних, совершенно невинных людей. Как будто наша обязанность поддержать лучших, возвысить, облегчить их высокий путь! Ведь они наши благодетели и благодетели бесконечного ряда будущих поколений!

Но как мы им поможем, если мы не знаем, где они?! Наши попытки поддержать гения оказываются обыкновенно плачевными. Мы поддерживаем малое, слабое, ничтожное; мы ошибаемся по своему незнанию, по своей собственной микроскопичности.

Не поручить ли гению отыскивать гениев? Но, с одной стороны, известных нам гениев мало, с другой же, как мы видели, на это и многим гениям мало миллиона лет. Очевидно, и гении тут бессильны.

Несмотря на все сказанное, задача наша может быть решена. Решение основывается на особом приеме изучения людей. Глубокое изучение людей возможно только при совместной жизни нескольких сотен человек. Больше не нужно, потому что изучение большого числа людей будет не под силу среднему человеку, со средней памятью и умом. Жизнь должна быть очень тесной, вернее близкой, доступной для наблюдения, открытой. Она должна протекать в одном большом здании, что по математическим соображениям весьма выгодно и в материальном отношении. Сохранение тепла, чистый без пыли и бактерий воздух, поддержание гигиенических условий, бани, кухни, столовые, библиотеки, мастерские, говорильные и молчальные залы, детские, школы, орудия производства, прачечные и т. д. – все это доступно в совершенном виде только при артельной жизни. Для получения всех этих удобств число сожителей должно быть даже много более, чем сколько можно взять для взаимного и успешного их изучения. Поэтому или составляется союз из нескольких близко стоящих общежитий для использования ими общих учреждений, или одно огромное общежитие делится на части, каждая из которых изучает только самую себя.

Но вот беда: немногие способны к такой жизни. Именно, как это показали известные исторические опыты и попытки, сейчас передерутся, переленятся, перессорятся, переругаются и разбегутся. Каждый хорош и сохраняет нравственное равновесие, пока живет со своей семьей в особом доме – почти по-звериному.

Помимо того, что эту совместную жизнь нужно обставить так, чтобы удовлетворить всем естественным потребностям членов, – это сравнительно легко сделать: всякий получит даже то, о чем он и не мечтал ранее: много свободного времени, короткий обязательный труд, чистый воздух, здоровую пищу, гигиеническую и красивую одежду, обеспеченность детей, сколько бы их не было и т. д. Нет, этого мало! Надо, чтобы члены были подходящие друг к другу и к новой форме жизни, чтобы не умерло, не распалось общество, чтобы они умели согласно работать и мирно жить. Надо, чтобы при свободе они умели сами себя держать в руках, – одним словом, нужны люди с особыми свойствами. Где же найти таких членов? Вознаграждены за свои качества они будут прекрасно, но как заполучить их, да и есть ли они вообще на Земле?

Пусть путем печати или другим способом будут всем известны высказанные здесь идеи, и пусть после этого каждый поселок с разрешения и одобрения правительства, порекомен-

дует несколько человек, наиболее способных к такой жизни, – наиболее общественных, умных, честных, кротких, трудолюбивых, искусных. Иное селение, может быть, ничего не даст, иное же даст нескольких. В общем, наверное, наберется несколько миллионов таких субъектов. Если из тысячи человек населения выберется один подходящий, то уже вот вам полтора миллиона годных для общественной жизни людей. Если даже на миллион средних людей найдется только один годный, и того будет достаточно, чтобы начать дело. Могут выбираться и женатые, если и жены мало-мальски подходят к мужьям. Тогда отправляют целые семьи. Но преимущество следует отдавать молодым людям, еще не связанным браками. Вот ими-то и нужно заселить наше общежитие. Каждое правительство в виде опыта будет делать это на свой или общественный счет. Но очень скоро такое общество не только не будет нуждаться в поддержке, но и само будет нести государству избыток своих трудов. Понятно, нашему обществу следует предоставить некоторую автономию (самоуправление), в силу которой, например, неподходящих членов оно будет исключать, водворяя их с семьями на прежние гнезда или возвращая им прежнее положение. Общественные же элементы нашего дома будут пополняться размножением и притоком новых членов, рекомендованных местечками или участками. Дети, выросшие и оказавшиеся неподходящими к новой жизни, исключаются из общежития: за ними могут свободно следовать родители, как и все желающие уйти. Могут и возвратиться, если годны и есть место.

Если бы опыт удался, то его нужно продолжать и совершенствовать, если нет – сделать другую попытку при иных условиях.

Понемногу Земля покроется этими общественными домами, так как члены их при благоприятных материальных и моральных условиях будут усиленно размножаться и выделять новые подобные общества, так как по наследству будет хоть отчасти передавать свои добрые свойства детям. С течением времени члены их своею численностью могут даже затмить своих менее общественных родичей, живущих при обыкновенных условиях, при которых мы сейчас живем. Эта организация жизни на Земле облегчит выбор наиболее совершенных. Каждое маленькое общество, живущее в одном здании или его отделении, взаимно изучая друг друга в течение нескольких лет, может отделить из своих членов наиболее великодушных, общественных, талантливых, здоровых, долголетних, плодовых и красивых людей. Но не думайте, что это гении, что это высочайшие! Средний человек только немного может выделиться над общим уровнем. Вероятно, при общих выборах гения они поставят рядом с человеком лишь немного выше их самих, эти избранные первого порядка составят высшее общество второго порядка. Сначала число членов второго порядка будет незначительно, но по мере возрастания числа обществ первого порядка и число членов второго порядка будет тоже увеличиваться, пока не достигнет комплекта, состоящего из нескольких сотен человек. Также образуется с течением веков второе высшее общество и т. д. Число их тоже может дойти до нескольких сотен. Каждое из них будет жить тесной общественной жизнью, как и общество низшего порядка. Оно будет обладать автономией и будет тщательно изучать себя. Члены должны трудиться недолгим обязательным трудом. Остальное время предоставляется отдыху, свободной деятельности, развлечениям, удовлетворению физических и нравственных потребностей. Понятно, что каждое общество второго порядка также может выделить из своей среды лучших особей для составления обществ третьего порядка, которые дадут материал для обществ четвертого порядка, и т. д., пока не дойдем до предела выборов и не доберемся до самых высочайших. Могут быть и даже неизбежны ошибки, но при всяких других выборах ошибки еще возможнее, еще неизбежнее. Мы тут предлагаем выбирать только то, что тщательно изучено в течение многих лет. К работе этой привлечены все силы страны. В современной же практике выбирают в сущности совершенно неизвестных или малоизученных, далеких людей, выбирают по слухам, по газетным статьям, по саморекламе и т. д. Да и может ли средний человек, если бы и знал всех великолепно, указать на величайших?!

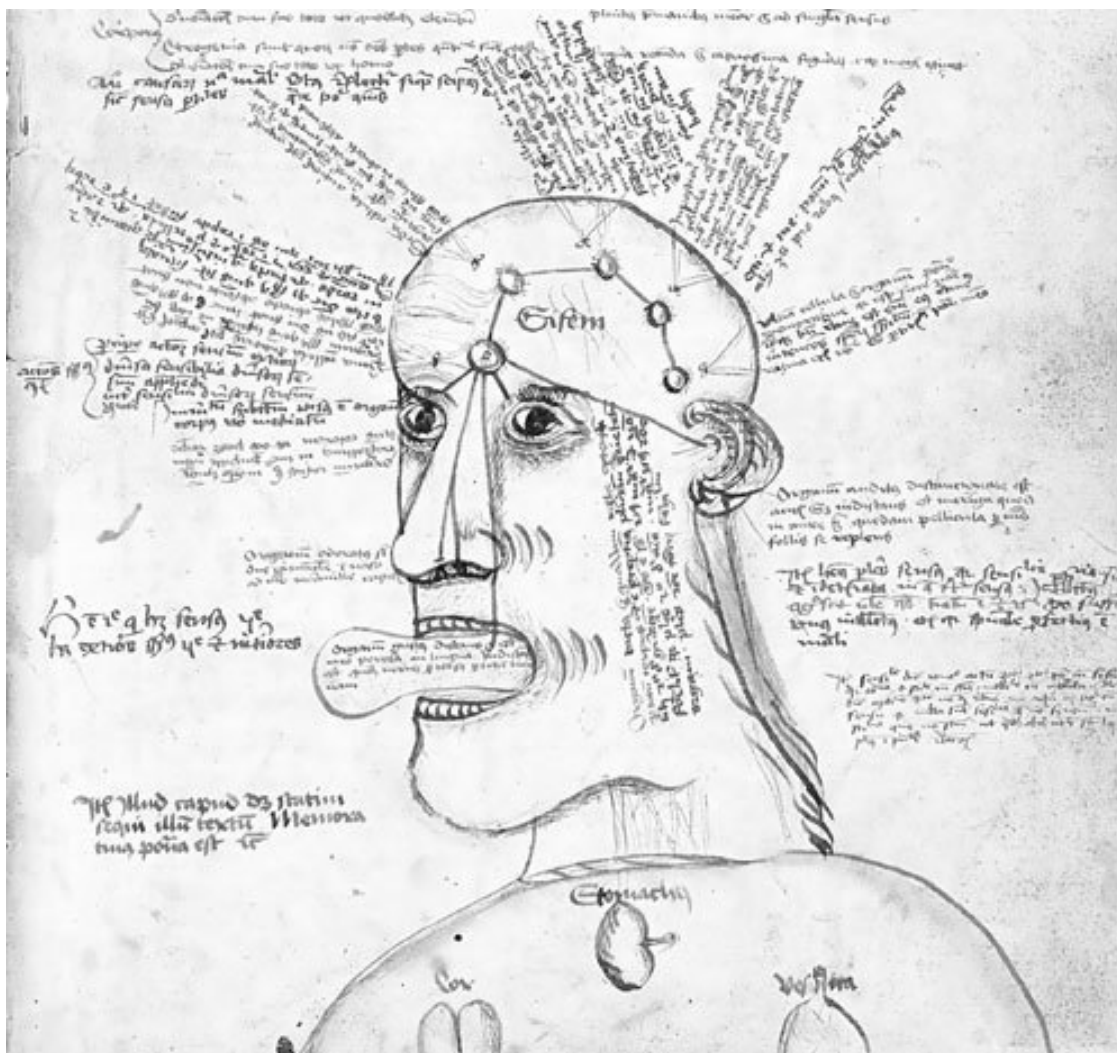
Число последовательных выборов зависит от числа членов первого порядка и числа членов в каждом обществе. Если, например, население даст нам для первых обществ миллион членов, то, полагая на каждое общество по сотне членов, получим десять тысяч обществ первого порядка. Они дадут при отборе сто обществ второго порядка. Наконец, последние дадут одно общество третьего порядка. Это – может еще избирать третий и последний раз. Чем меньше число членов в каждом обществе, тем тщательнее будет взаимное изучение и основательнее отбор одаренных особей. С другой стороны, увеличивается при этом число ступеней выборов. Это также благоприятствует отбору лучших. Но малое число членов неблагоприятно в другом, экономическом отношении. Число членов общества наиболее выгодно определить не так-то легко. Чем больше население Земли, тем больше будет выборов и совершеннее отбор. В течение тысяч лет число людей вне обществ дойдет до очень незначительной величины, а число членов обществ достигнет по крайней мере 10 миллиардов. Они дадут пять выборов при обществах в сто членов каждое. Этого достаточно для отбора наиболее совершенных.

Что дают нам современные поселения? Возьмем хоть какой-либо уездный городок или деревню. Летом в хорошую погоду – пыль, в плохую – непролазную грязь. Дома грязны, пыльны, полны насекомых, бактерий, миазмов, кухонного чада, тяжелой суеты людей для приготовления пищи и поддержания хотя бы мало-мальской чистоты: изнуряют возня со скотиной, мучительные заботы о детях, отсутствие врачебной помощи, трудность обучения, непроемливый труд и т. п.

Общественный дом на несколько сот человек, составляющий население нескольких обществ, окружен научно возделанными полями и садами: устроен он согласно последнему слову науки. Он устроен главным образом из металла, искусственного камня и стекла. Он не сгорает и почти вечен. Он недоступен для паразитов и бактерий. Дезинфекция производится почти моментально посредством нагревания внутренности дома воздухом при ста градусах Цельсия. Температура – по желанию. Воздух абсолютно чист: без пыли и бактерий, – чище, чем наружи. Каждая семья имеет свое светлое помещение. Постоянные омовения – особые для мужчин, женщин и детей. Одежда легкая: только прикрывает наготу. Громадная экономия в одежде с соединением гигиенических выгод. Общие залы для каждого пола, возраста и разных занятий. Общие столовые, мастерские, больницы, школы.

Вот описание дня в доме.

Я неженатый молодой человек. Сплю в общей холостяцкой. Так там тепло, что спать можно раздетым или в дневном чуть измененном покрове. Тюфяком служит натянутая холстина. Просыпаюсь рано: бегу в ванную. Воды теплой и холодной сколько угодно. Сбрасываю свой легкий покров и делаю омовение всего тела. Вместе с другими, в определенный час отправляюсь на обязательную работу: в данном случае на земледельческую. Мне приходится сидеть на автоплуге (самоходная машина), который, двигаясь, взрывает и разрыхляет почву. Надо следить за правильным ходом работы. Шесть часов обязательного труда, и все кончено. Теперь я сам себе хозяин: могу делать, что хочу. В определенные промежутки времени я получаю подкрепление в виде растительной пищи – вареной, сырой или жареной – приготовленной весьма искусно, в особых печах, на основании научных исследований и многолетних опытов. Она состоит из обработанных овощей, фруктов, зерен, сахара и т. д. Выбор пищи свободен и весьма разнообразен. Другие занимаются садом, воспитанием, преподаванием наук, искусств, ремесел, технологий. Третьи наблюдают за малютками, больными; готовят пищу, наблюдают чистоту, порядок. Четвертые отправляются на более или менее удаленные фабрики, чтобы провести в них тем меньшее число часов обязательного труда, чем работа тяжелее.

Сенсорная и когнитивная системы человека

В теплое время преобладают земледельческие хлопоты, в холодное – фабричные. Девушки живут и работают также: но их труды, как и труды всех, кто может быть чем-нибудь полезен обществу, по возможности соответствуют их полу, свойствам, возрасту и наклонностям. Свободное время посвящают обязательным, но желательным трудам, изобретениям, опытам, размышлениям, чтению, лекциям, разговорам или просто наблюдению общей жизни дома и изучению людей. Для многих занятий есть приспособленные для того помещения. Например, для размышления иным нравится зала, где обязательно молчание и самый слабый свет, чтобы только отыскать свое место и не столкнуться с соседом. Многие гуляют по прекрасным садам и полям, смотря по погоде. То в густой тени величественных деревьев, то на полянках и по дорожкам – между стенами колышавшейся от ветра пшеницы, ржи и т. д. Свежесть деревьев, обвешанных разнообразными плодами, прохлада тени, приятная теплота солнечных лучей, красота видов располагают к беседам, к движению, к радости. Спокойствие духа, не страдающего печальными думами о близких, о горестях, пыли, грязи, нечистоте и бесцельности жизни, способствует свободной работе мысли, возникновению творчества и чувств благодарности к Богу.

Для прогулок и игр в дурную погоду есть светлые, закрытые сверху, а иногда и с боков помещения. Впрочем, больше находится охотников гулять на свежем воздухе, несмотря на дождь, снег и холод. В своей легкой одежде, кто может, закаляет свое тело, приучает его понемножку ко всем случайностям жизни.

Общие собрания бывают в свободное время периодически, в определенный день и час. Экстренные собрания редки и могут быть во всякое время, если для того члены сошлись в залу собрания. Председатель распоряжается: желающие что-нибудь говорить обсуждают, решают, судят, предлагают, молятся. Но последнее слово, самое решение остается за избранным единым. Царит абсолютизм. Зато нет нерешительности, ни малейшего промедления в делах всякого рода. Прогресс идет безостановочно. Повиновение решению одного – беспрекословное. Но если избранный выказывает деспотизм, нарушает свободу, законы, выказывает слабость ума, делает ошибки, и их довольно много или они крупны, то он меняется сейчас же на другого в экстренном собрании. Кроме того, чтобы не вышло беспорядков, каждые 10 дней или менее в определенный час все собираются по установленному закону и выбирают того же или иного председателя. Законов немного: они непрерывно меняются и совершенствуются председателями же. Число законов и объем их не затрудняют памяти самого слабого из членов. Более царит дух закона, а не буква его – дух высшей правды.

Целомудрие сохраняется так же тщательно, как и жизнь. Но молодые люди обоего пола сближаются без всякого препятствия и по взаимному согласию предполагают брак. Общество брак этот обсуждает. Председатель же его разрешает с правом произведения потомства более или менее многочисленного. Иногда утверждают брак, но не утверждают деторождение, если боятся плохого в каком-либо отношении потомства. Также по согласию разводятся, но и развод утверждается председателем.

Общество исключает и принимает новых членов, обучает их законам, ремеслам, наукам, убеждает в бессмертии, в непрерывном существовании, исправляет, предупреждает и т. д.; но последнее слово остается за избранным, так что устраняются колебание и волокита. Все решения основываются на взаимном изучении друг друга, что возможно при совместной жизни и небольшом числе членов. На собрании, при решении дел и т. д. высказывают разные мнения о лицах и их делах. На основании этого председатель безапелляционно постановляет решение. Женщины и даже дети имеют при этом право голоса и значение.

Для счастливого заключения браков женихи и невесты путешествуют и знакомятся с другими обществами и не семейными их членами. В таком случае брак обсуждается двумя обществами и двумя председателями, но чтобы не было промедления (или «мертвой» точки), одному из председателей дают преимущество, и решает он. Некоторая часть членов общества, обыкновенно один, два процента, назначается в общество второго высшего порядка. Их избирает непременно общество. Это и есть председатели. Но часть времени каждый из них проводит в избравшем его обществе, ведая дела его, как правитель, а часть – в высшем слое. Одним словом, они чередуются, управляя по порядку, но монархически. Не связанные управлением, правители отправляются в высшие общества в качестве равноправных членов. Там они набираются высшей мудрости и тогда переходят по очереди в свое низшее общество: председатели передают ее настолько, насколько могут воспринять эту мудрость, знание, опытность, избравшему его низшему обществу. Также живет и общество второго порядка, только там сообразно высшему составу и дела сложнее и промахов меньше. Каждый член каждого общества получает приблизительно одно и то же сообразно своей индивидуальности (личным свойствам): именно то, что необходимо для здорового существования, для развития тела и духа и для обеспечения того же для его потомства. Никто не привлекается к повышению грубыми материальными благами, роскошью, лакомствами и т. д. Председатель отличается от других членов только своей специальностью: один больше пишет, другой больше работает на фабрике, а председатель больше управляет: устранили его – и он делает то же, что и другие. Опять избрали – он решает дела. Не только высокоразвитая совесть и разум заставляют каждого стремиться к добродетели, но и страх исключения из общества и водворения в низшее или даже в мир. Но низшее общество может его опять избрать и водворить в высшее, и последнее опять его может исклю-

чить только на время. Одним словом – избранного могут исключить совсем только избравшие его.

Улучшение породы человека идет быстрыми шагами вперед. В брак вступают все желающие по взаимному соглашению, но каждый имеет тем меньше детей, чем общественная его оценка ниже, тем менее он способен вести общественную жизнь. Иногда после нескольких рождений дальнейшее размножение воспрещается, но это не сопровождается прекращением брачных сношений. Только в исключительных случаях, при особенных громадных талантах, необыкновенном долголетии, высоком здоровье, красоте будут терпимы люди с нравственными или противообщественными недостатками, например лживые, сварливые, неуживчивые и т. д.; и тогда им строят отдельные домики, предоставляют отдельное хозяйство, вообще, ставят в такие условия, при которых они становятся более терпимы. Их потомство стараются улучшить браками. Большею же частью неподходящие члены или исключаются или же, вступая в брак, лишаются права производить потомство. Впрочем и всякие решения делаются обществом не столько по правилам, сколько по духу, который дает для каждого случая свое постановление.

Главное условие вступления в брак, конечно, – взаимная склонность, и это более всего принимается во внимание при разрешении брака. Но дети – это щекотливое дело. Положим, я родился слабым физически и умственно, – некрасивым, больным, отвратительным, несчастным, злым, жестоким, ничтожным. Я клянусь моих родителей, – зачем они произвели меня на свет. Я – бремя для общества, и общество клянет меня, не зная, что со мной делать. Я презренный, опасный, глубоконесчастный человек и в своих собственных глазах и в особенности в глазах людей. Кто же тут виноват? Неужели я сам! Но ведь я только мученик, получивший дурное наследство.

Менее всего виноват я сам. Виновато общество и родители. Но более всего общество, которое и несет заслуженную им кару. Родители же не ведают, что творят; научите их и тогда взыскивайте.

Произвести несчастного значит сделать величайшее зло невинной душе, равное примерно убийству или еще хуже. Так пускай же его не будет. Пусть общество, не препятствуя бракам, решительно воспротивится неудачному деторождению. Не преступник виноват в своих злодеяниях, не несчастный – причина своих горестей, а то общество, которое допустило в своей среде жалкое потомство. Поэтому неодобренное деторождение – ужасное преступление против людей, родителей и невинной души. Все общества, в особенности высшие, зорко следят за благоприятным деторождением. Насколько они и сами просвещенные родители мешают произведению слабых особей, настолько они всячески способствуют многочисленному и здоровому деторождению. Право родить не должно быть предоставлено мне, но обществу, на которое и ложатся все последствия. Самая же большая ответственность общества и родителей – по отношению к самому неудачнику, который неизвестно за что обречен на мучения. Его ужас, недовольство и горе невыносимы даже для посторонних и в особенности тяжки для родителей. Высшие общества дают больший процент рождений, чем низшие. Это очень способствует улучшению пород. То, что было самым высшим, таким образом распространяется до самого низа и наполняет его высшим элементом.

* * *

На Земле образуется два мира. Человечество разделяется на две части, ясно сознающие все совершающееся. Один мир, сначала очень малочисленный, состоит из избранных. Они населяют общественные дома и дают описанную мною организацию. Другая часть – вне этой организации – живет той жизнью, которая ей доступна по нравственным ее свойствам. И она стремится туда, к счастливым, и ясно сознает все прелести новой жизни, но не может устоять

там, не может вынести тамошней жизни. Если кто и попадет туда по ошибке, будет вытолкнут или сам уйдет – не выдержит.

Вы мудрец, вы страстно желаете проникнуть в счастливый мир. Вы создаете его и понимаете его лучше, чем сами его обитатели, но из этого еще не следует, что вы для нового мира годны. Наоборот, кто-нибудь во многом ограничен и сейчас еще не думает о лучшем мире, не имеет даже о нем представления, не пылок, слаб и все-таки годится для него, потому что уживается в нем, не тяготится им, составляет маленький и полезный винтик нового строя. Хорошо золото, но для швейной машины или для локомотива не идет... Крохотный мир, созданный мыслящим человечеством, постепенно разрастается, усиленно размножается благодаря хорошим условиям жизни. Напротив, внешний мир, сознавая свою малую пригодность, удаляется все более и более, размножается сознательно или благодаря дурным условиям все слабее и слабее. Он понемногу вымирает, чтобы уступить место высшему. Но те уступившие, сошедшие со сцены, таинственным образом переселяются в новый мир и, таким образом содействуя созданию нового порядка, жертвуя как будто собою, делают в сущности все это для самих себя.

Гений среди людей (1918–1921)

Значение гения

Гений придумал молоток, нож, пилу, ворот, блок, насос, лодку, мельницу, лук со стрелами, удочку, сети, одежду, обувь, дом. Он приручил животных, научил людей земледелию. Гений изобрел машины, которые облегчили труд человека в десятки, тысячи и миллионы раз и делают продукты совершеннее. Например, швейная машина облегчает, улучшает и ускоряет шитье в десятки раз. Сколько людей она избавила от слепоты, от чахотки, сколько людей обула и одела, сколько сохранила времени для других работ! Таковы же ткацкие машины и множество других. Изобретение книгопечатания сделало книги в несколько тысяч раз дешевле, сравнительно с тем, когда они писались.

Гений открыл железо, сталь и разные металлы. Он показал возможность того, что прежде казалось совсем невозможным. Железо не умели добывать из руд (камней) сотни тысяч лет и пользовались тем, которое падало с неба в виде аэролитов.

Гений открыл драгоценные свойства веществ, свойства газов, пара, жидкостей и твердых тел.

Он сократил в сотни раз расстояние. Он заставил силы природы работать вместо животных и возить человека, грузы и самих животных по земле, воде и воздуху. Скорость этого движения теперь превышает 100 верст в час или 2400 верст в сутки. В воздухе она достигает даже 200–300 верст в час или 7000 верст в сутки. Она превосходит скорость летящего орла, скорость рыб в воде и скорость самых быстрых животных на суше.

Гений научил людей разговаривать на расстоянии тысяч верст и передавать мысли из одной части света в другую со скоростью молнии (даже без проводов). Он заставил говорить, петь, играть и подражать звукам всех животных – мертвое тело, неодушевленную материю. Он устроил автоматы, подобные человеку, придумал счислительные машины, которые работают безошибочно и в сотни раз быстрее самого ловкого счетчика. Гений превзошел самого себя.

Он дарует жизнь больным, спасает умирающих, искалеченных, заменяет оторванные руки и ноги искусственными, возвращает голос и зрение, дает слух, восстанавливает разрушенные органы, научает быть здоровым и жить долго. Кости от мертвых он переставляет живым, и эти кости оживают и служат вместо испорченных болезнью.

Гений придумал наседку для вывода яиц без участия теплокровных. Он победил невидимые смертоносные бактерии, производящие дифтерит, оспу, сифилис, бешенство и много других.

Он увидел то, что ранее никто не видел. Микроскоп показал ему строение невидимых клеточек, этих основ живой материи, механизм существ и их мельчайших органов, огромный мир бесконечно малых животных и растений.

Гений определил форму Земли, измерил ее, а также Луну, Солнце и другие небесные тела.

Он узнал их взаимные расстояния. С помощью телескопов он приблизил к себе небо в тысячу раз. Таким образом, он показал людям то, что прежде никто не видал. На Луне и планетах оказались горы, подобные земным. Люди увидели в миллион раз больше звезд, или солнц, чем видели раньше. Каждая звезда оказалась удаленным от нас солнцем, более могущественным, чем то, которое оживляет Землю. Обнаружилось существование биллионов солнц со многими биллионами планет, подобных Земле. Но кроме этой нашей кучи солнц, нашли миллионы подобных. Мир оказался беспредельным.

Нашли один и тот же свет, одно и то же тяготение, одни и те же силы природы и одно и то же вещество во всей вселенной. Одним словом – единство Земли и Неба, а следовательно, и единство их первопричины.

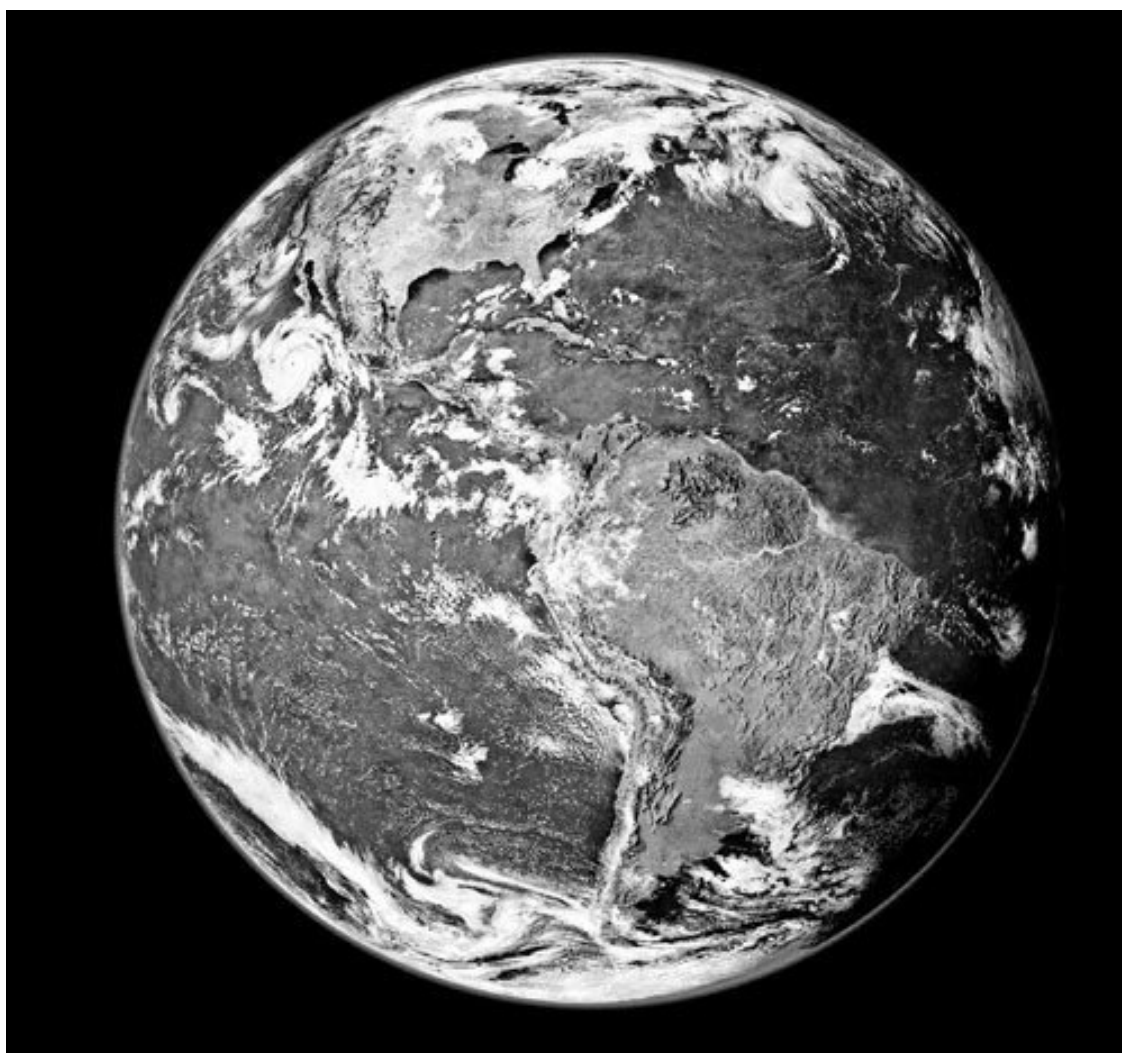
Только о существовании вне Земли разумных или хоть каких-нибудь существ ровно ничего неизвестно. Но голос разума, голос гения кричит во все горло, что не только вселенная битком набита ими, но что даже огромный процент этих существ достиг совершенства, неопостижимого пока для ограниченного человечества, находящегося еще в младенческом фазисе своего бытия.

Гений нашел цель существования. Это – познание, совершенствование, устранение зла и всякого страдания, распространение высшей жизни.

Сначала благодеяния гениев распространялись среди небольшой группы сильных, ученых, знатных и богатых. Но потом они проникали вниз и делались достоянием всех людей.

Кто теперь не пользуется железными дорогами, пароходами, механическими двигателями, фабриками, заводами, стеклом, посудой, инструментами, бумагой, книгами, лампами, одеждой, обувью и т. д., приготовленными упрощенными способами, по указанию изобретателей и мыслителей. Кто не читает, не воспринимает великие идеи, не наслаждается и не поучается литературными произведениями гениев?

Не было бы гениев, не было бы движения Человечества вперед по пути истины – к прогрессу, единению, счастью, бессмертию и совершенствованию. И это еще начало, что будет дальше, что ожидает человечество – это трудно себе и представить.

Западное полушарие Земли, NASA, 2000 г.

Есть разница между трудом средних людей и творчеством мыслителей. Творчество последних переживает своих творцов и нередко бывает бессмертно. Разве не бессмертно изобретение Гутенберга.

Сотни лет прошли со времени его смерти, но разве перестанут когда-нибудь пользоваться книгопечатанием в том или другом образе и благословлять его изобретателя. Разве перестанут когда-нибудь расходиться этим путем высокие идеи, распространяя свет знания, истины и радости.

Всякий, кто будет пользоваться швейной машиной, мельницей, путями сообщения, если бы даже прошли тысячи лет, не перестанет чествовать изобретателя и благодарить его творчество.

Благодетель истинного гения вечны, они никогда не исчезают, а сыпятся непрерывным потоком, как из рога изобилия. В то же время они материальны, они составляют чистое золото, драгоценные камни, хлеб, одежду, всякие удобства и т. д.

Как бы ни казались дары гения духовны, они всегда сводятся к материальному.

Положим, гений научит людей сдерживать свои дурные страсти: избегать драки, ругани, соперничества, войн. Результатом их будет усиленная производительность народов, т. д. множество избыточных продуктов труда, каковы: зерно, фрукты, овощи, фабрики, жилища, улучшение жизни, увеличение досуга, здоровья, долголетия и т. д. Действительно, силы, не истраченные на взаимную бесплодную борьбу, идут на производство продуктов, вследствие чего и является улучшение жизни и устранение нужды. Разве это не материально, не ощутимо?

Разница только в том, что рабочий, земледелец полезен, пока жив. Его труд смертен и сравнительно невелик по количеству. А гений живет и после смерти; иной 100 лет, иной тысячу, а некоторые из них миллионы лет и даже бесконечность веков.

Например, водяная мельница изобретена тысячи лет тому назад, а изобретение это, в виде простой мельницы и турбины, живет и сейчас и будет жить еще долго, принося самую ощутительную пользу, которая может быть строго оценена, выражена деньгами, хлебом, овощами или другими необходимыми предметами. В год изобретатель даст столько-то, в столетие в 100 раз больше, а то и в тысячу раз больше, так как распространение и улучшение изобретения его полезность увеличивает прогрессивно.

Иоганн Гутенберг, гравюра XVI века

А заурядный и почтенный труженик-мастер, земледелец дает единицы, совершенно крохи, в сравнении с громадными горами плодов гения.

К сожалению, благодеяния изобретений пока еще не очень значительны и мало распространены среди низов человечества (особенно среди некультурных стран). Есть целые многомиллионные народы, которых изобретения и мысли гениев почти не коснулись. Более половины людей еще пребывают во мраке, нищете, бессилии и злодеяниях. Они во власти природы. Природа их подавляет и побеждает.

Но тот же гений указывает, что значение мысли еще впереди, что мысль еще двинет все человечество и поставит его на бессмертную высоту, что благодеяния мысли дойдут до самых низов, даже до животных. И те почувствуют, хотя и без сознания, дары мысли.

Все будет счастливо, все будет довольно. А чему нельзя помочь, то будет погружено в нирвану или небытие (временно, конечно).

... Мы почти верим в это.

Гений и семья

Как же мы, простые смертные, относимся к гению, каков он сам в других отношениях, как он относится к себе подобным и каковы его недостатки? Вот о чем мы поведем речь дальше.

Прежде всего, гений рождается и живет в семье. Как же его тут принимают, как поддерживают, укрепляют и развивают?

Хотя закон наследственности и существует, хотя он и неопровержим, но есть и другие законы, пренебрегать которыми тоже нельзя. По первому закону только даровитая, необыкновенная семья может дать необычное. И это верно относительно рода, хотя могут быть и исключения (мутации). Т. е. я хочу сказать, что род, дававший нередко знаменитых людей, продолжает давать их порою, хотя часто иссякает благодаря неразумным или неудачным бракам. Например, предок Чарльза Дарвина (Эразм) и сын его (Джон) были людьми выдающимися.

Предки и потомки гениев в большей или меньшей степени должны быть замечательны. Однако, большею частью, не отмечаются историей и нам неизвестны. Это так. Но есть другой практический закон, который гласит: гений обирает свое потомство.

Это значит, что за высшей точкой рода (кульминационный пункт) следует понижение, и иногда весьма сильное. Проще сказать, хотя род даровитых, при благоприятных условиях, и продолжает производить порою необыкновенных людей, но делает это периодически, т. е. за высочайшими в роде следуют низжайшие.

Не надо еще забывать, что гении всего чаще бывают счастливой комбинацией супругов, которые сами по себе не очень высоки и совсем не гениальны. Подобно этому алюминий с магнием дает крепкий дюралюминий, ядовитый хлор и натрий дают необходимую для жизни соль, мягкое железо и уголь сталь. Кроме того, гений развивается и под давлением жизненных условий, часто непонятных и как бы отрицательных. Так, сиротство, нищета, презрение людей за какой-нибудь физический недостаток и т. д. возбуждают силы, мысль и деятельность. Также подходящие книги и люди.

Отсюда видно, что рождая необычное, семья сама может стоять не высоко, она только таит в своих недрах великое, и когда производит его, то, возможно, что сама находится на умеренной степени развитая и природного дарования.

Так, братья Галилейского учителя приходили к нему издалека, чтобы унять его пыл. «Он вышел из границ», – говорили они окружающим, оправдывая свое вмешательство в дела взрослого родственника. Только после смерти отца он, вероятно, мог отдаться всецело своей проповеди. Жена Сократа, Ксантипа, была, кажется, недовольна мужем и, по преданию, обливала его в досаде помоями. Слово «Ксантиппа» недаром стало синонимом злой жены. Мамаша Чехова не знала хорошо, чем занимается ее сын, и говорила окружающим, что Антоша пишет стихи. Папаша его читал вслух «Запечатленного Ангела» и мешал сыну работать над тем, что повыше.

Жены, семьи, братья, родственники менее всего верят в своего гениального члена и судят о нем обыкновенно по внешним успехам, которые сначала бывают очень сомнительны и даже отрицательны. Но домашние, по крайней мере, снисходительны, любовны, хотя и делают сцены и устраивают жизнь невыносимой для отмеченного роком. Так, Лев Толстой бежал от жены. В одном из Евангелий упоминается, что даже братья Галилейского учителя не верили ему. Они говорили: «Если действительно ты делаешь такие дела, то открыто объяви о себе народу... Тебе нечего опасаться: и само правительство примет твою сторону».

Итак, в семье: любовь, заботы, снисхождение, слезы, но полное непонимание, страх за судьбу любимого, обуздание, а иногда невыносимая жизнь. Вот почему гений бежит от семьи, оставляет отца и мать, оставляет родню и близких, чтобы найти друзей по духу, которые и идут с ним на муки, на посмеяние, на костер и на казнь. Семья тормозит истинного гения, и только в виде исключения он иногда находит сочувствие или поддержку родни. Так, жена и

близкие Магомета даже поверили ему. Но это потому, что он сам не стоял чересчур далеко от них и не был первоклассным гением. Жены же часто, по слабости к мужьям, соглашаются и с дурным, и с хорошим, лишь бы оно шло от возлюбленного. Рассудок тут принимает очень незначительное участие.

Гений и земляки

Земляки и товарищи гения в отношении понимания относятся к нему, как и родственники, не достает только любви и снисхождения (родственного пристрастия), да прибавляется зависть и недоброжелательство.

Так, Колумб, уверивший земляков, что земля похожа на шар, возбудил такое в них негодование, что должен был спасать свою жизнь бегством в другой город. Были подвергнуты осмеянию Гальвани и Ламарк. И этим историям нет конца.

Христофор Колумб, Себастьяно дель Пьомбо, 1519 г.

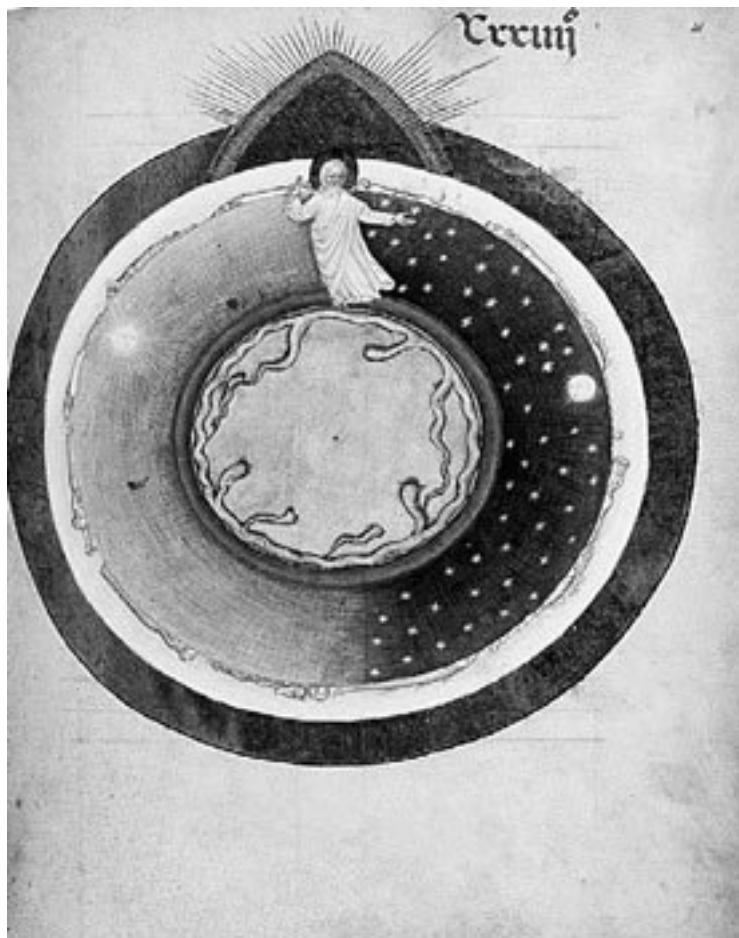
Галилейский учитель везде имел успех, пока не попал в родной Назарет. Под влиянием недоверия, он так там обессилел, что не мог проявить ни исцелений внушением, ни блестящей проповеди. Подозрительность земляков, хорошо знавших его с детства и ничего тогда не заметивших, убила все его силы. Любезные граждане, обидевшись на его космополитизм, даже схватили было его, чтобы увлечь к обрыву и свергнуть в пропасть. Но он как-то вырвался из их рук и избежал этой несвоевременной казни. Как им было поверить ему, когда ранее ничего замечательного в его жизни они не видели. Были у него отец, мать, родня, с которыми шутили его земляки, пили, ели, праздновали, роднились, гуляли, говорили, обижали и благодарили.

Знали они мальчика, который делал то же, что их ребята играл на улице с их детьми, ссорился, молил. Его поколачивали – то сверстники, то товарищи, то родители, то старики. Что тут высшего, что тут гениального? Высшее было, начиналось, но было в зачаточном состоянии. Его проглядели близорукие товарищи. Они видели в нем только гордость, стремление выделиться, критиковать, превзойти их и их детей, и потому он только возбуждал их зависть, и негодование. Истины, произносимые им еще неуверенно и несовершенно, их оскорбляли, так как сами они блуждали во лжи и самообольщении.

Положим, гению пришла в голову великая идея: он задумал заставить воду работать – вертеть жернова и молотить зерно. Прежде всего, эта мысль в семье и между земляками рождает насмешки и даже осуждение. Семья добрее. Но когда они видят, что ее молодой и сильный член вместо работы на пользу семьи проводит время в раздумывании, становится рассеянным, избегает общения, даже забывает пить и есть, то начинаются сцены, упреки, негодование, иногда слезы и сожаление. Его «оплакивают» как помешанного, как погибшего. Все трудятся, все ищут смертного хлеба и имеют его в скудости, а один из здоровых членов ест и пьет, но стал плохим помощником и не вносит уже своей лепты в благосостояние семьи. Не досадно ли это? Тут возможны и трагедии.

Если гений силен, а семья слаба, то он упорствует. После мысли он делает попытки ее воплощения. Устраивает водяную мельницу. Понятно, что вначале он терпит неудачу. Его мельница даже не может своротить жернов. Все предпочитают молотить ручными жерновами даже тогда, когда получается подобие успеха. Идеи и первые попытки их осуществления подвергаются осмеянию, и редко при жизни изобретателя осуществляются его мечты. Их осуществляют последующие поколения, иногда через десятки, а иногда через сотни и тысячи лет. Что же получил мыслитель? Посмеяние, голод, нужду, озлобление близких и их несчастье. Гений принес им горе. Тень бедствий пала и на родных.

Всякая машина, если и исполняется изобретателем, сначала бывает негодной, вызывающей скептицизм, насмешки и преследование. Таковы были: швейная машина, паровая машина, пароход и т. д.

«Бог сотворил небо и Землю. Существа зодиака ползают по краю небесной сферы», 1301–1400 гг.

Чем грандиознее идея и ее польза, тем слабее бывает первое исполнение. Причина понятна. Это – трудность ее реализации. Изобретателей считали полоумными, и они ничего, кроме бедствий, не получали. Только их последователи достигали некоторого практического результата, за которым шел блестящий успех, плоды которого пожинали не бедные мыслители, давно уже сгнившие в могиле, а капиталисты и власть имущие. Потом уже изобретение делалось общим достоянием и было всем полезно.

Гения озаряет великая мысль. Он передает ее близким, товарищам, ученым и обыкновенно не находит сочувствия. Причина простая. Ученые и так утомлены своей наукой и обязанностями. Даже всякое уже прогремевшее открытие для них горе и досада, так как заставляет их утомляться для усвоения новых идей. Но избежать этого нельзя. Скрепя сердце приходится работать, так как нельзя отставать от века и не знать то, что уже увлекло большинство.

Но когда какая-нибудь ничтожность, маленький человек делает открытие, то это не только заставляет их без серьезного разбора и рассмотрения отрицать, но и завидовать.

И отрицание превращается в преследование и глумление. Они чувствуют личное оскорбление от ненавистного гения, так как открытие сделано не ими и не их классом. Признай они его, им скажут: «А почему же не вы сделали это изобретение? На своем ли вы месте, не забрались ли высоко?» Конечно, и эти упреки несправедливы. Ученые или люди знания делают свое великое бессмертное дело, распространяя науки. Это тоже своего рода гений, гений быстрого усвоения, гений восприимчивости. Нельзя от них требовать больше, чем они могут дать. С одного вола двух шкур не дерут.

С целью поскорей отделаться от маленького человечка бывает иногда недобросовестный разбор. Критик извлекает мелкие ошибки, недосмотры, неполноту и все это выставляет на вид, упуская главное. Приблизительный расчет они выставляют, как неверный. А то случается коварная похвала, которая возбуждает недоверие к изобретателю и доверие к доброте критика. Мешает признанию истины и самолюбие: сгоряча раскритиковали мысль. Признать се – значит отказаться от своего авторитета.

Не все, конечно, ученые таковы. Много молодых, великодушных, которых наука искренно увлекает, которые и сами на пути к новым, открытиям и сочувствуют им, откуда бы они ни приходили.

Отрицательное отношение окружающих заставляет новатора замыкаться в самом себе. Следующая его гениальная идея уже не высказывается никому. Он размышляет уединенно. Мир необычных идей в нем растет, усиливается, приводит его в восторг, дает ему жизнь, утешение, радость, поддержку в житейских печалях.

Чем больше проходит времени, чем обширнее воображаемый мир гения, тем больше растет его отчуждение от человечества. Пропасть между последним и мыслителем все возрастает. Гения никто не понимает, он уже не раскрывает рта, чтобы не быть тотчас же осмеянным и осужденным. Отчуждение его причиняет ему страдания, он счастлив наедине и печален среди людей. Он напрягает мысль, чтобы снова приблизиться к людям, сойтись с ними. Он придумывает что-нибудь легкое, доступное им, он спускается к их уровню развития.

Но вот он замечает, что в толпе некоторые интересуются его речами более других, задают разумные вопросы. Он обращает на них внимание, возвышает содержание своих речей и снова находит в толпе сочувствие, хотя и от немногих. Он делает их своими учениками, работает вместе с ними, учит их много наедине и поручает им самостоятельные труды.

Проповедь в толпе выделяет ему новых учеников, они указывают еще на прозелитов. Гений ищет их и даже находит средства для их отыскания.

Жизнь его становится менее печальной, так как он теперь имеет возможность передавать свои излюбленные идеи и приносить очевидную пользу.

От семьи, земляков и толпы он уходит почти. Связь чересчур мала и сближение сопровождается катастрофами вроде избиения и даже покушения на жизнь мыслителя.

Последователи ниже его и потому ближе к жизни и людям. Ученики учеников еще ближе. Так доходит истина, хотя и в ослабленном и смутном свете, до людей. Она уже воспринимается как что-то абсолютное, хотя и мало понятное.

Галилейского учителя много раз пытались забросать камнями, которых так много в его стране. Его называли полоумным, бесовским сыном, помощником дьявола и другом негодяев. Намекали на незаконность его рождения. В конце концов пригвоздили к столбу с перекладиной. Сократа заставили выпить яд. Лавуазье измучили пытками, нравственно унизили и лишили свободы. Колумба заковали в кандалы.

Слабость людская более склонна почитать и возвышать умерших. Полезнее поддерживать живых гениев.

Гений и специалисты

Еще печальнее отношения гения к специалистам. Положим, мыслитель вводит железные дороги. До них были шоссейные, водные пути и другие, еще более примитивные. От осуществления идей мыслителя должны пострадать ямщики, содержатели дорог, служащие, хозяева парусных судов, трактирщики, некоторые рабочие и т. д. Общее недовольство задетых за живое людей поддерживается учеными и специалистами, так как отражается и на них. Косность мысли и пошлые идеи окружающих мешают им вникнуть в новые течения и сделать беспристрастную им оценку. Страдает и самолюбие: кто-то хочет быть выше их, умнее. Неужели

администраторы не знают, что им делать? Если бы железные дороги были нужны, то они и сами ввели бы их. А тут кто-то ничтожный, неизвестный заставляет их утруждать мозги, и без того замученные. Их как бы упрекают в недалёковидности, в упущении. Рабочие ломают новые машины. Начинаются ожесточенные нападки на новшества.

Знаменитый Араго доказывал во Франции, что введение железных путей принесет стране одни убытки. Гигиенисты и врачи указывали на вред быстрого передвижения не только для пассажиров, но и для зрителей, почему считали необходимым отгородить железные дороги заборами от любопытных взглядов.

Механики и фабриканты находили другие препятствия. Так, думали, что колеса локомотива будут скользить по рельсам и не повезут поезд.

Заступников было мало. Одни были равнодушны, потому что не могли ясно видеть пользу изобретения, не представляли себе ясно удешевление проезда и транспорта грузов. Да и думали – когда-то оно будет, дойдет ли до них. Другие завидовали. Третьи – не понимали. Большинство совсем ничего не знало про новые идеи.

Задетых изобретением было сравнительно немного, но они отчаянно защищались и страшно тормозили введение проекта.

Профессиональную зависть устранить трудно, но можно было устранить бедствия, причиненные всяким нововведением. Надо пристраивать всех трудящихся, оставшихся без работы, всех служащих, оставшихся за штатом, разорившихся хозяев и т. д. Это легко сделать государству, которое получает, в общем, в сотни раз более выгод от изобретения, чем убытков. Всякий работник полезен и не может остаться без дела, если за это возьмется государство, которому со своей высоты все видно. Для этого, конечно, нужно, чтобы во главе его были мудрецы, люди с особыми свойствами, что возможно только при научном устройстве общества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.